

В. В. ДАНИЛОВ

**«Слово о погибели Руския земли» как произведение
художественное**

Если по поводу таких больших произведений XIX столетия, оставшихся незаконченными, как «Мертвые души» и «Кому на Руси жить хорошо», в которых герои и их действия обрисованы с совершенною художественною полнотою, можно лишь с некоторою вероятностью говорить о том, каковы были конечные замыслы их авторов, то что можно сказать определенного и достаточно достоверного о произведении, отделенном от нас семью столетиями, от которого сохранилось менее одной страницы печатного текста? Между тем о небольшом фрагменте, озаглавленном в рукописи: «Слово о погибели Руския земли, о смерти великого князя Ярослава» (т. е. 1246 г.), иногда говорится так, как будто известно все содержание произведения, от которого он откололся, как например делается заключение, что «Слово» возникло до Батыевой рати (1238 г.), потому что в нем нет упоминаний о татарах. Прав Н. Серебрянский, сказавший: «Не только так называемого „последнего“, но и вообще более или менее бесспорного слова об этом любопытном древнерусском сочинении сказать нельзя».¹

Можно только утверждать, что «Слово о погибели» не является частью той редакции жития Александра Невского, введением к которой оно служит в двух известных списках. Это утверждение находит опору в непосредственном художественном восприятии памятника. Каждый автор проектирует мыслимое им произведение как нечто целое, согласованное в своих частях, намечая его содержание и средства для выражения последнего, создающие стиль произведения, его внешнюю форму, которая, тесно сливаясь с содержанием, определяет особность произведения. Поэтому, если у архитектора возникла идея здания в коринфском стиле, творчески немыслим для него внезапный скачок к дорийскому стилю, потому что это разрушило бы всю первоначальную идею. «Слово о погибели» — это произведение красочное, орнаментированное; если применить к нему архитектурные представления — созданное в коринфском стиле. Житие Александра Невского — произведение менее орнаментированное, это дорический стиль.

Стиль «Слова о погибели» убеждает, что оно развивает иную художественную идею, чем житие Александра Невского, и присоединено к нему с художественной стороны механически, незаконно. Исходя из стиля «Слова о погибели», так же смотрел С. А. Бугославский: «Стиль „Слова“, — пишет он, — выдает светский рассказ с политической тенден-

¹ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). СПб., 1915, стр. 163.

цией. Это стиль летописи в приподнятом, патетическом тоне. В житии Александра Невского мы встретимся с типичными приемами агиографа.²

Художественное различие стилей сразу стало ясно и понятно Х. М. Лопареву. Он законно выделил введение в житие Александра Невского как произведение иного художественного плана, чем последнее, признал его особенность.

До настоящего времени художественная сторона «Слова о погибели» воспринимается исследователями вне зависимости от жития Александра Невского, как нечто особо запечатляющееся, красочное. Н. К. Гудзий в обобщающем обзоре литературы о памятнике приводит мнение немецкого ученого Вернера Филиппа, назвавшего «Слово о погибели» «солнечным гимном» и единственным в своем роде произведением европейской литературы.³

На самом деле в других литературах находим композиции, в некоторых моментах очень близко напоминающие «Слово о погибели» по содержанию, стилю, патриотическому пафосу и по историческим условиям возникновения. Генетически они никак не связаны ни между собою, ни тем более со «Словом о погибели», но сравнение их с последним представляет несомненный интерес. Эти аналогии ставят «Слово о погибели» в ряд родственных явлений в литературах других народов, освобождая его от той исключительности, которая создается по отношению к нему, если «Слово о погибели» рассматривать обособленно, без сопоставления с подобными и сходными явлениями в иноземных литературах.

Первым привожу описание из *Naturalis historia* Гая Плиния Секунда, обычно именуемого Плинием Старшим, который в 77 г. н. э. поднес свой многотомный труд императору Титу. Правление Тита и его отца Веспасиана было мирным периодом жизни Римской империи. Они водворили порядок и спокойствие в государстве, расстроеном тиранией их предшественников, разоренном и потрясенном междоусобными войнами, превратившими императорскую власть в настолько шаткое состояние, что перед самым вступлением в управление империей Веспасиана в течение полугода лет один за другим трагически погибли три императора. Город Рим половину лежал в развалинах; даже Капитолий, место священного почитания, был завален мусором. Все это обостряло патриотическое чувство римского гражданина — звание, которое он носил с необычайною гордостью, и создавало, в противоположность жалкой действительности, идеальный образ родины, нашедший отражение в описании Италии, включенном Плинием в его «Естественную историю».

«Я знаю, — говорит он, — что заслуженно буду назван человеком неблагодарной и вялой души, если скажу кратко и между прочим о стране, матери и кормилице всех стран, избраннице богов, которую само небо делает прекраснее других, которая объединила разрозненные государства, смягчила нравы, соединила посредством торговли несходные и дикие языки многих народов, создала для человека общительность и образованность, короче говоря, стала родиною всех племен на всей земле. Что еще сказать о ней? Так велика известность всех ее частей, — да и кто не граничит с ними! — так велика слава ее деяний и народов! Сколько надо, наконец, труда, чтобы рассказать об одном только городе Рима, который следует назвать священным позвоночником Италии! Прелесть благословенных и плодородных полей Кампании очевидна для всех, как совокупное произ-

² С. Бугославский. Н. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников I—V. М., 1910. — ИОРЯС, т. XV. СПб., кн. 3, 1910, стр. 336.

³ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 529—530.

ведение ликующей природы. Таково постоянное свойство ее жизнеутверждающего, здорового климата; так плодоносны ее поля, так солнечны холмы, так безвредны ущелья, так тенисты рощи, так разнообразны леса, таков воздух, несущийся с гор, таково изобилие плодов, винограда и слив; таково превосходство шерсти овец; так жирны шеи быков; столько в ней озер; такое обилие рек и родников, орошающих ее; столько морей, гаваней, земельных пространств, пригодных для торговли, и как будто для удовольствия смертных сама она жадно стремится к морям! Я не говорю о наших природных дарованиях, обычаях и людях, а также о племенах, покоренных языком и рукою. Сами греки думали об Италии, что ее народ создан преимущественно для славы, и потому часть Италии назвали Великой Грецией».⁴

Есть сходные черты в описаниях Плиния и «Слова о погибели». Авторы одинаково останавливаются на географических данных: озерах, реках, горах, холмах, лесах. Их роднит гордость военной мощью своих отечеств, которую они видят в покорении других народов, причем Плиний говорит не только о подчинении силою, но также языком, т. е. культурными средствами. Плиний вообще выдвигает культурное начало в жизни Рима, которое — вне мирозерцания автора «Слова о погибели». Представления Плиния о своей родине глубже и шире, чем представления автора «Слова», поскольку римский писатель обладал более широким политическим кругозором, как представитель мировой империи, и несравненно более высоким образованием.

Другой отрывок, напоминающий описание русской земли в «Слове о погибели», принадлежит древнееврейскому историку Иосифу Флавию (37—105 г. н. э.), автору сочинения «Иудейская война», написанного по-гречески. Иосиф писал историю восстания своего народа против римлян и разрушения ими Иерусалима (66—70 гг.) вдали от родины, после ее тяжелой испытаний, и ему естественно было вспоминать ее сильную и одаренную благами природы.

«Галилеяне, — говорит он в названном труде, — окруженные столькими чужеземными племенами, всегда оказывали сопротивление всякой попытке войны (с ними). Ибо они воинственны с детства, всегда многочисленны; и никогда ни страх не охватывал мужей, ни недостаток в них не стеснял страну. Вся она плодородна и обильна пастбищами, насаждена различными деревьями, так что, вследствие легкости (получения урожая), поощряет к трудолюбию даже человека, несклонного к возделыванию земли. Действительно, она вся обработана жителями, и никакая часть ее не лежит праздно; и города (в ней) часты, и множество сел, всюду густо населенных, вследствие (ее) изобилия, так что самые малые имеют свыше пятнадцати тысяч жителей. Большая ее часть насаждена маслинами, виноградом и финиками; орошается она зимними потоками с гор и постоянными обильными источниками, если первые исчезают под лучами солнца».⁵

Описание Иосифа Флавия, менее обстоятельное, чем описание Плиния, совпадает с последним такими мотивами, как плодородие страны, разнообразие ее растительности, орошение. Иосиф не мог похвалиться завоеваниями своего народа, разгромленного римлянами, но все же не преминул сказать об его воинственности с детства. Это описание Галилеи стало до-

⁴ С. Plinii Secundi. Historiarum mundi liber III, V, 5 — По изданию: Histoire naturelle de Pline, tome troisième. Paris, 1829, стр. 32—34.

⁵ Περὶ τοῦ Ἰουδαίου πολέμου λόγος τρίτος, III, 2. Flavii Josephi opera omnia post J. Bekkerum recognovit S. A. Naber, vol. quintum. Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri, 1895, стр. 253.

стоянием древнерусской литературы в содержании перевода сочинения Иосифа Флавия под названием «О полонении Иерусалима».

И. И. Срезневский, Е. В. Барсов и, наконец, В. М. Истрин установили, что древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа не соответствует в полном объеме греческому оригиналу и, по словам Истрина, производит впечатление, «как будто переводчик, прочитав две-три страницы греческого текста, в кратком виде, своими словами, изложил прочитанное».⁶ Однако древнерусский перевод описания Галилеи почти буквально передает греческий текст оригинала. «...толиком языком, окрест... обихедшем, ни в едино время ослабиша противу брани, но всем биющемся с ними противляхуся. Учат бо ся из младства ратному обычаю и умножишася зело. И ни страх обдержит муж тех, ни земля оскудеет людей, понеже есть вся тучна и благозелна и всеми садми доброплодными насажена, и обилие ея может побудити на страдание и нестрадолюбце. Устроена же есть вся земцем, и несть места ей праздна. Но и гради части и села, яко звезды, и люди бес числа, яко в меншем селе быти пятнадцати тысящ. И болшаа часть ея насажена маслича и вина и финик. Напаяють же ся струя зимная, с гор текуще. Аще же и ты иссухают слонцем жатвенным, то и от исток присносуху посливают».⁷

Древнерусский перевод немногим отличается от греческого оригинала. Во-первых, в нем число сел в Галилее сравнивается с количеством звезд, чего нет в известном нам греческом тексте «Иудейской войны». Но весьма возможно, что это сравнение могло быть в каком-либо средневековом списке этого произведения, поскольку, как указывает Истрин, греческий оригинал, бывший в руках древнерусского переводчика, «представлял существенное отличие от дошедших до нас списков».⁸ Во-вторых, в переводе солнцу придается эпитет «жатвенное». В греческом тексте сказано, что источники *αερίφ φθίνοισιν*, дословно: «исчезают от палящего», разумеется, солнца. Можно полагать, что эпитет солнца «жатвенное» возник на русской почве, так как в климатологических представлениях русского человека время жатвы совпадает с периодом наиболее высокого стояния солнца, т. е. наибольшей жары. У жителя субтропической страны, какова Галилея, не может быть такого представления, потому что там посевы созревают раньше этого. Затем греческий текст: *ὡς ὑπὸ τῆς εὐπεταίας προχαλέσασθαι καὶ τὸν ἥμισυ γῆς φιλόπονον*, в дословном переводе: «так что вследствие легкости поощряется и труженик, вялый в отношении земли», — передан в древнерусском переводе словами, могущими дать современному читателю иное направление мысли, чем то, о чем говорит Иосиф Флавий: «И обилие ея может побудити на страдание и нестрадолюбце». В древнерусском языке слова «страдати» и «страдолюбце» являются синонимами слов: «трудиться» и «трудолюбце».⁹ Следовательно, приведенный текст говорит о сельской страде, согласно с прямым смыслом греческого подлинника, о материальной заинтересованности человека в земледелии, а не о каком-либо общественном подвижничестве.¹⁰

⁶ В. М. Истрин. «Иудейская война» Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе. — Ученые записки высшей школы г. Одессы, Отдел гуманитарно-общественных наук, т. II, 1922, стр. 31.

⁷ La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Texte vieux-russe publié intégralement par V. Istrin, t. I. Paris, 1934, стр. 210, 212.

⁸ В. М. Истрин. «Иудейская война» Иосифа Флавия... стр. 38.

⁹ Пример из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. III, стлб. 532): «Сь, вприсом, чим разлучается страдолюбце от ленивых, и рече: яко же благочестивый от нечестивых. Пчела, Синадальной библиотеки».

¹⁰ Латинский перевод «De bello Judaico» в издании 1539 г. дает ясный смысл комментируемой фразе: *ut etiam minime agriculturae studiosos ubertate sua provocant* —

Из эпохи классической древности перенесемся в средневековье, в Испанию XIII столетия, когда всю ее южную часть занимали мавры, с которыми шли непрерывные войны. Ко второй половине XIII в. относится монументальный коллективный труд, положивший основу испанской историографии: «Испанская история и великая всеобщая история», называемая Хроникой короля Альфонса X Мудрого (1221—1284).

При нем Испания страдала не только от нападений мавров, но и от междоусобий, и король Альфонс Мудрый умер не на престоле, лишенный последнего родным сыном. Опять видим условия, которые должны были возбуждать у патриотов противоположные представления о счастливой и благоденствующей родине. Эти представления отразились в одной статье названной истории, озаглавленной «Похвала Испании как вершине всех благ».

«Страна, которую мы называем Испанией, похожа на божий рай. Она орошается пятью многоводными реками: Эбро, Дуэро, Тахо, Гвадалквивиром и Гвадианой. Реки эти отделены одна от другой высокими горами и землями.¹¹ Долины и равнины Испании просторны и широки и, благодаря плодородию земли, орошаемой реками, дают множество плодов и полны изобилием. Испания богата злаками и фруктами, вдоволь насыщает рыбами, дает вкусное молоко и прочие продукты. В ней водится крупная охотничья дичь; она полна стадами и табунами коней и мулов. Она защищена и укреплена замками, веселится хорошими винами, богата металлами и многими минералами;¹² славна шелком и всем, что из него делается; доставляет сладкий мед и сахар; освещается воском, переполнена оливковым маслом, радует шафраном. Сверх всего этого, Испания искусна в ведении войны, страшна и полна мужества в битве, не томится от тяжелой работы, верна своему королю, прилежна в учении, вежлива в разговоре, совершенна во всем хорошем. Нет страны в мире, подобной ей по своему плодородию; ни одна не может сравниться с нею в могуществе, и мало стран, равных ей по величине. Испания выше всех по своему величию и славнее всех по своей верности. О, Испания! Никто не в силах перечислить все твои достоинства!».¹³

Наряду с мотивами, встречающимися в других патриотических описаниях: реками, горами, долинами, плодородием, военною силою, слышим здесь, как у Плиния, культурные мотивы, причем безмерен пафос автора, доводящий его до гиперболических представлений.

Через сто лет после того, как было написано «Слово о гибели», в 1352—1353 гг., Петрарка написал стихотворение на латинском языке,

«так что даже наименее старательных в земледелии побуждают своим плодородием» (Flavii Josephi. De bello Judaico, libri septem. Lugdum, 1539, стр. 209—210).

¹¹ К этому месту Георг Тикнор (George Ticer) в «History of spanish literature» (vol. I, London, 1863, стр. 147, прим. 18) делает примечание, указывая, что в изданиях памятника (Флориана Докампо, 1541 г., и Валлодолда де Кафьяса, 1604 г.) здесь стоит tierras (земли), что он считает ошибочным, предлагая читать sierras (горные цепи). При таком чтении получается неоправданная синонимичность, тогда как автор правильно говорит, что реки разделяются горами и земельными пространствами.

¹² Опускается перечень металлов и минералов.

¹³ В основу перевода описания Испании из Хроники Альфонса Мудрого положен перевод его, сделанный с английского Н. И. Стороженком в «Истории испанской литературы» Г. Тикнора (т. I, М., 1883, стр. 138). Текст Стороженка исправлен и дополнен по оригиналу Хроники в издании: «Primera crónica general. Estoria de España, que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba, bajo Sancho IV en 1239. Publicada por Ramón Menéndez Pidal. Tomo I — Texto. Madrid, 1906», статья 558, стр. 311. («Первая общая хроника. История Испании, которую приказал составить Альфонс Мудрый и которая была продолжена при Санчо IV, в 1239. Опубликовал Рамон Менендес Пидаль»).

близкое к «Слову» по мотивам, пафосу и обусловившим его общественно-политическим обстоятельствам. На это обратил внимание проф. А. В. Соловьев, сравнивший оба произведения, можно сказать, en regard. Стихотворение Петрарки «Ad Italiam ex Gallis removens» («К Италии при возвращении из Галлии») отражает общественный и политический упадок Италии XIV столетия. В канцонах и письмах Петрарка говорит об ее жалком политическом рабстве, губительных междоусобных войнах, подавлении свободы, анархии и беззаконии. Это вызывало противоположные представления, и Петрарка рисует картину благоденствующей Италии, сильной и организованной:

Здравствуй, любимая богом, священнейшая земля, здравствуй!

Земля, безопасная для добрых, земля, устрашающая гордых.

Земля, особенно отличная известными краями.

Опясанная двумя морями, прославленная величественными горами.

Достойная уважения за военную доблесть и за священные законы.

Жилище Пиэрид,¹⁴ изобилующая золотом и мужественными людьми.

Земля, искусство и природа которой совместно содействовали высшему (ее) процветанию и сделали наставницей мира.

К тебе теперь охотно возвращаюсь постоянным жителем после продолжительного времени.

Ты дашь желанное пристанище от усталости жизни.

Ты, наконец, отведешь столько земли, сколько займет мое мертвое тело.¹⁵

С радостью смотрю на тебя, Италия, с высоты зеленеющих вершин Северных гор.

За мною расстилаются тучи; приятное дуновение веет в лицо, и поднимающийся туман охватывает ласковым прикосновением.

Я узнаю родину и радостно приветствую: здравствуй, красавица-родина, здравствуй, слава всех земель!¹⁶

Стихотворение Петрарки напоминает прославление Италии в «Георгиконе» (II, 156—176) Вергилия. Последний стих стихотворения Петрарки:

Salve, pulchra parens, terrarum gloria salve! —

звучит как подражание стиху Вергилия:

Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus!

(«Здравствуй, великая производительница плодов, земля Сатурна!»).

Возможно, что стихотворение Петрарки в известной мере было навеяно «Георгиконом» Вергилия, который был любимейшим поэтом Петрарки. Недаром в принадлежавший ему кодекс Вергилия Петрарка даже вклеил листок, содержащий даты смерти близких лиц, в том числе прославленной Лауры. Но стихи Вергилия нельзя ставить в один ряд с композициями, аналогичными «Слову о гибели». Картины довольства и славы Италии, нарисованные в «Георгиконе», это не поэтические мечты, как у Петрарки, уводящие от тяжелой действительности, не идеал, почерпнутый из прошлого. У Вергилия это сама действительность, как она представлялась поэту в блестящий век императора Августа, «величайшего Цезаря», по словам Вергилия. При нем процветают земледелие и животноводство, и боевой конь, как говорится в «Георгиконе», стремится не на поле брани, а на пажить, т. е. в государстве господствуют мир и тишина.

Поэтому «Слово о гибели» сближается не со всякими патриотическими произведениями в других литературах, а лишь со сходными по условиям своего появления, когда родина писателя страдала от войн,

¹⁴ Название муз по месту их обитания в стране Пиэрия, близ Олимпа.

¹⁵ В подлиннике: pallida membra — «бледные члены».

¹⁶ Pilade Mazzei. La vita e le opere di Francesco Petrarca. Livorno, 1927, стр. 55.

междоусобий и произвола, как это было в римской истории во времена Плиния Старшего и в Италии при жизни Петрарки, или если отечество автора было разорено, народ поработен и сам писатель был лишен родины, как было с Иосифом Флавием.

Настроение и отношение к родине патриота в таких трагических условиях кратко, как в поэтической формуле, но эмоционально и образно выразил Адам Мицкевич в начальных стихах поэмы «Пан Тадеуш»:

О, родина — Литва! Как нам здоровье ценно,
Как, потеряв его, скорбим мы неизменно,
Так, потеряв тебя, скорблю и в скорби той
Сильней я увлечен твоею красотой!

Нестроение родины, терзаемой издавна тем, что «начаша князи про малое „се великое“ молвити, а сами на себе крамолу ковати», тревожило души многих русских людей Удельного периода, и среди них был автор «Слова о погибели». Начав восторженно-патетическим обращением к Русской земле и нарисовав ее могущество при Владимире Мономахе, он неожиданно говорит об ее «болезни»: «А в ты дни болезнь хрестияном от великого Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья, князя володимерьскаго».

Несмотря на совершенную, по моему мнению, ясность этой фразы, она вызвала разноречивые толкования. Слово «болезнь» обозначает и всегда обозначало ненормальное состояние организма, а не бедствия, постигающие человека извне. Здесь значение слова — метафорическое, распространяющее понятие на целый народ. Поэтому под «болезнью» никак нельзя разуметь несчастья, происходившие от нападений половцев или от нашествия татар. «Болезнь» — это внутреннее нестроение Русской земли, как понял первый комментатор «Слова о погибели» Х. М. Лопарев.

Далее очень ясно говорится, что «болезнь» идет от времен «великого Ярослава», т. е. Ярослава Мудрого, протянулась до Владимира Мономаха и дожила до «нынешняго Ярослава», Ярослава Всеволодовича Переяславского, который именуется «нынешним» в отличие от только что названного «великого Ярослава», а вовсе не в подражание «нынешнему Игорю» «Слова о полку Игореве» (Н. Серебрянский, М. С. Грушевский), как будто даже такое обычное, разговорное слово автор «Слова о погибели» не мог употребить самостоятельно, а непременно должен был вычитать его из другого произведения.

Под влиянием легендарных сказаний о Владимире Мономахе, живших в дружинной среде, которые были, надо думать, также семейными воспоминаниями о нем владимирских князей, потому что Владимир Мономах по прямой линии был прадедом Юрия и Ярослава Всеволодовичей, автор «Слова о погибели» изображает могущество Руси при этом князе, что повышало династическую честь владимирских князей, но что далеко не соответствовало исторической действительности.

Однако автор верен истории, когда, говоря о «болезни», не забывает упомянуть Владимира Мономаха, который сам немало пострадал от междоусобиц. В 1094 г. в усобице с Олегом Святославичем он потерял Чернигов и три года, по собственным словам, терпел беды в Переяславле «от рати и от голода»; а в 1096 г. потерял своего сына Изяслава Муромского, убитого в битве с тем же Олегом. На воспоминании об усобице между сыновьями Всеволода Большое Гнездо прерывается «Слово о погибели». Юрий и Ярослав Всеволодовичи пострадали от своих родных братьев, когда в 1216 г. были разбиты ими и еле спаслись. Юрий, загнав не одного коня и сбросив с себя верхнюю одежду, прискакал во Владимир

в одной сорочке. Он лишился владимирского стола, который занял враждовавший с ним брат Константин.

Вот об этой «болезни», из-за которой Русская земля «оскудела от рати и от продаж», как сказали киевляне князю Святополку в 1093 г., и говорит «Слово о погибели». И в противоположность вызванному ею оскудению, оно рисует красочный образ Руси, совпадающий в отдельных мотивах с такими же образами в описаниях других стран, страдавших от междоусобий или чужеземных завоеваний. Тут также озера, реки, горы, холмы, поля, города и села: «Всего еси исполнена земля руская!..». Так выясняется общественно-политическая психология возникновения «Слова о погибели» в тех пределах, в каких оно сохранилось.

«Слово о погибели» дает также достаточно материала для того, чтобы ответить на вопросы, из какого круга общества и родом из какой части древней Руси был его автор. И. Н. Жданов охарактеризовал стиль «Слова о погибели» как агиографическую риторику, указав этим на связь его с церковною литературою.¹⁷ Однако это может относиться лишь к началу памятника: «О, светло светлая и украсно украшена земля руская, и многими красотами удивлена еси». Этими словами ограничивается непосредственное влияние церковной литературы на «Слово о погибели», но это стиль не агиографический, это стиль акафистов.

Понятия «света» и «красоты» в разнообразных тавтологических сочетаниях представляют характерные черты языка акафистов. Недаром Чехов в рассказе «Святою ночью», давая несколько примеров красочного языка акафистов, которые он вставляет в речь послушника Иеронима, приводит как характерное для них выражение: «Светоподательна святильника сущим...».

Уже в одном из первых русских акафистов, в акафисте Борису и Глебу, фрагменты которого вошли в состав «Повести временных лет», под 1015 г., находим мотивы света и красоты: «луча светозарна явистася, яко светиле озаряюща всю землю Русьскую»; «божьими светлостями яве облистаети»; «възвысила бо есть ваю светоносная любви небесная, темь красных всех наследоваста в небеснемь жити. . . свет разумный, красныя радости»; «багрянищу. . . красно носяща. . .»; «Радуйтася, светозарное солнце церкви стяжавша. . .»; «Радуйтася, светлеи звезде, заутра восходящи. . .».¹⁸ Стиль первых русских акафистов был создан по греческим образцам, а последние существовали на Руси в переводах, сохранявших мотивы своих ранних оригиналов и равнявшихся по ним. Об этом говорит заглавный лист Киево-Печерского издания акафистов 1628 г., где акафист характеризуется как «от еллинских исправленный и благочинно по таинственному их творению расположенный». Поэтому мы не сделаем ошибки, если мотивы и стиль акафистов, доступных нам в более поздних текстах XVII столетия, распространим на Киевскую Русь.

Вот несколько примеров на мотив «света» из текстов акафистов в изданиях XVII столетия: «Утро светлейшее», «свету жилище», «чертог все-светлый», «светоприемная свеща истинного света», «пресветлый святильник», «свет превыше всех светлостей», «заря солнца многосветлая», «святильника два все-светлая», «святильнику свет последова пресветлый», «света солнечного светлейший».

Примеры на мотив «красоты»: «Шипок багряно украшенный», «красное благоухания пение», «светоносное и красное торжество», «красный рай»,

¹⁷ И. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 96, выноска.

¹⁸ ПСРА, т. I, 2-е изд. Л., 1926, стлб. 138—139.

«бисер красный», «дароточивый, красный и пребогатый», «красный благочестия цвет», «красота пресветлая». ¹⁹ Самый восклицательный тон первых слов памятника идет из акафистов.

То, что автор «Слова» упоминает между предметами, украшающими Русскую землю, монастырские виноградники, подтверждает принадлежность его к церкви, потому что эта деталь имеет слишком специфический характер и светскому лицу не пришла бы в голову. Только на основании одного этого можно сказать с уверенностью, что автор был монах и пришел на север Руси с юга.

Мысль об отражении южных впечатлений в «Слове о погибели» появилась еще у Х. М. Лопарева, который в комментарии к «виноградом обительным» заметил: «Выражение неясное, занесенное, очевидно, с юга». ²⁰ Выражение очень ясное: в русских народных песнях обычно сочетание «сад-виноград» в значении виноградника; а то, что это черта южнорусская, неоспоримо. В южных монастырях, в Галиции и Молдавии, в поздние времена, а в древние, надо думать, еще больше, виноградники были одною из главных статей хозяйства. В хозяйственном опыте северянина не могло быть представления о монастырских виноградниках.

Другие черты «Слова о погибели» тоже характеризуют автора как южанина.

Подверглась сомнению фраза в «Слове» о том, что именем Мономаха «половци дети своя ношаху в колыбели». Вместо «ношаху» Х. М. Лопарев указал возможность читать «страшаху» или «полошаху», приведя два текста, содержащие эти слова. ²¹ Акад. М. Н. Тихомиров, утверждая новгородское происхождение «Слова о погибели», тем не менее пишет: «Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны или по крайней мере не были понятны позднейшим переписчикам. Так, в „Слове“ появляется неясная фраза о половцах... Текст о половцах, видимо, звучал первоначально так: „которым-то половци, дети своя полошаху в колыбели“». ²² Другие исследователи также видели в слове «ношаху» опisku.

На самом деле это не описка, не искажение, а реальное изображение ухода за детьми у кочевников. По наблюдениям многих авторов, в различных частях света у первобытных и кочующих племен матери носили с собою грудных детей, употребляя для этого сумки, мешки, корзины или ящики с прикрепленными к ним веревками, чтобы надевать на себя — на спину или на грудь. Мать всюду носила в такой колыбели ребенка, иногда совершая с ним долгие переходы. Акад. И. И. Лепехин в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства» в 1768 г. сообщает, что башкирки надевали переносные колыбели с детьми на себя и ездили с ними верхом, причем колыбель была так подвязана, что мать имела возможность кормить ребенка грудью, не слезая

¹⁹ Примеры взяты из киевского издания акафистов Захарии Копыстенского и Филофея Кизаревича 1628 г., виленского издания 1628 г. и киевского издания Иосифа Тризны 1654 г.

²⁰ Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Руския земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, LXXXIV, СПб., 1892, стр. 19.

²¹ Роман Мстиславич Вольнский «бе изострился на поганяя, яко лев, им же половци дети страшаху»: «Начаша жены моавитьския полошати дети свои, рекуще: Александр едет» (ПДП, LXXXIV, стр. 19).

²² М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 240.

с лошади.²³ Половчанки не могли быть исключением среди женщин других кочевых народов и должны были в буквальном смысле носить в колыбели маленьких детей, что было известно жителям южных княжеств по живым наблюдениям.

Южанину, особенно выходящу из Галицкого княжества, близкого к Карпатам, было более свойственно говорить о «горах крутых», чем жителю северной русской равнины. Более свойственно, назвав «бояр честных», сейчас же титуловать их, очевидно по привычке, «вельможами» — словом польского происхождения. Более свойственно, наконец, в перечислении красот Русской земли вспомнить такие, собственно, незначительные предметы, как «колодцы местночестные». Но дело в том, что на юге, где местность более гористая, а жары более сильные, колодцы и родники приобретают большее значение, чем на обильно орошаемой природою севере. Колодцы поэтому были окружены религиозным почитанием, к ним приурочивались местные праздники и крестные ходы, и на копание колодцев смотрели как на благочестивый подвиг, что составляет сюжет поэмы Шевченко «Москалева крыньця». В украинской этнографической литературе немало материала на эту тему.

Южнорусские черты в «Слове о погибели» и особенно сохраненные им отзвуки легенд о Владимире Мономахе дали основание поставить вопрос о южнорусском происхождении памятника вообще. Так он был поставлен в докладе С. Н. Введенского под названием «„Слово о погибели русской земли“ как исторический и историко-литературный памятник Северо-Восточной Руси XIII в.» на IV областном историко-археологическом съезде в г. Костроме, в июне 1909 г.

В протоколах съезда сказано: «Референт полагает, что „Слово“ по внешним сторонам и по содержанию текста есть в основе своей произведение южнорусское. Эту основу его составили песни о могуществе и славе Русской земли при Мономахе и о последовавшем затем упадке южной Руси. На Северо-Востоке южная основа „Слова“ подверглась добавлениям и осложнению, главным образом в сторону этнографического перечисления народов, покоренных Русью».²⁴

Относительно последнего утверждения можно возразить, что фрагмент «Слово о погибели» представляет логически и художественно нечто целое, и невозможно даже по соображениям литературной техники полагать, чтобы такой небольшой текст был сначала написан как слово о Мономахе и могуществе Русской земли, а затем осложнен севернорусскими добавле-

²³ «Дневные записки...», ч. II [СПб.], 1768, стр. 154. См. о колыбелях: Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XV, в. 1, 1884, стр. 167, 179; И. Силинич. Формы колыбели и их развитие. — Русский антропологический журнал. М., 1900, № 1, стр. 106—109.

²⁴ Известия IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, 1909, 23 июня, вторник, № 4. — Автор доклада С. Н. Введенский, в то время инспектор народных училищ Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии, как видно из его писем к правителю дел Владимирской ученой архивной комиссии А. В. Смирнову, именующихся в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 286. № 167), предполагал поместить доклад в «Трудах» этой Комиссии, но он напечатан не был. Против утверждения, что «Слово о погибели» южнорусского происхождения, возражал на съезде А. И. Соболевский. Он сказал также, что это не самостоятельный памятник, а часть жития Александра Невского. Его слова тогда же были записаны мною: «Мой покойный наставник Тихонравов говорил: „Кроме «Слова о полку Игореве», есть еще очень поэтический памятник: это некоторые редакции жития святого Александра Невского“. Стало быть, ему попадались какие-то редакции жития, которые наводили его на сравнение со „Словом о полку Игореве“».

ниями. Он был написан полностью на северо-востоке монахом, южнорусом по происхождению, сохранившим в нем южные впечатления и отзвуки легенд о Мономахе.

Обстоятельства, приведшие автора «Слова о погибели» с юга на север, раскрываются на основании историко-литературных соображений. Сначала А. С. Орлов, а затем Д. С. Лихачев установили галицкую литературную традицию в житии Александра Невского, написанном на северо-востоке Руси. «Возможные пути, — пишет Д. С. Лихачев, — книжных связей Галича и северо-востока Руси начала второй половины XIII в. могут быть прослежены довольно точно. Звеном, связующим Галицкую Русь и Владимиро-Суздальскую, был митрополит Кирилл II, переехавший в 1250 г. с юга от Даниила (князя Галицкого) к Александру Невскому. . . Кирилл явился к Александру не один. Недовольных церковною политикою Даниила было, очевидно, не мало. Естественно, что многие из них спаслись от угрозы унии, переехав на северо-восток Руси, под покровительство своего сильного земляка Кирилла. Среди этих переехавших к Кириллу представителей духовенства были и люди книжные».²⁵ К последним принадлежал также автор «Слова о погибели», которому, как южанину, были известны южные легендарные сказания о Владимире Мономахе в устной традиции, так что ему не надо было знакомиться с ними по какой-то книжной записи, как предполагал Н. Серебрянский.²⁶ В княжестве, где правили потомки Мономаха, этому книжнику естественно было воспользоваться легендами, в которых их прадед изображался правителем сильным, наводившим страх на все народы, даже на византийского императора. Для северной русской литературы стиль этого галицкого писателя, представителя иной литературной школы, был нов и красочен, поднимал патриотическое чувство, и потому составитель жития Александра Невского, праправнука Мономаха, присоединил «Слово о погибели» к житию.

Я не ставил вопросов, выходящих за рамки непосредственного, прямого содержания памятника, ограничиваясь анализом только того, что он дает сам по себе как фрагмент неизвестного художественного произведения, и прихожу к выводу, что «Слово» представляет форму описания родины, известную в других литературах и в приводимых примерах связанную с бедственными условиями жизни той или другой страны; что «Слово о погибели» написал монах — южнорус, прибывший во Владимиро-Суздальскую землю из Галича в связи с переездом туда митрополита Кирилла II и потому сохранивший в нем черты южной природы и быта.

²⁵ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 49—52.

²⁶ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 210.